

и, что следует особо подчеркнуть, отражение имевшей место конфронтации с властью. Здесь кроется причина взаимоотношений интеллигенции и власти, ее страх: страх перед тем образом, который она сама создала. Неуверенность интеллигенции в себе, во власти обусловила ее спасительное бегство в собственную «скорлупу», породила байки о кастовости интеллигенции и ее исключительности.

– Многоаспектное (мультиперспективное) воспитание культуры (интеллигентности) не только способствует устранению образа врага и угрозы нравственного падения интеллигенции, установлению диалога с властью, но и делает попытку сформировать нового гражданина России, для которого понятие «интеллигентность» не пугало, а объективная реальность.

– Процесс воспитания интеллигентности неотделим, следовательно, от воспитания правовой, политической культуры и содержит налет политического климата. Тем самым он зависит от конфликтов, кризисов, неустойчивых состояний и проблем самоопределения общества. Подобный процесс является неотъемлемой частью специфической культуры российского общества с его неустоявшимися, выбихими традициями и интерпретациями.

Наряду с дискуссией неизбежно и дальнейшее исследование культурного феномена вузовской интеллигенции в контексте общественных изменений с опорой на теорию и историю интеллигентно-ведческой мысли.

Примечания

¹ См., например: А.Н. Еремеева. Провинциальный ученый в условиях борьбы с «низкопоклонством» перед Западом // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв. и реализация путей общественного развития: Материалы науч. конф., 28–30 мая 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 71; Б.В. Емельянов. Кампания борьбы с космополитизмом 1948 г. в оценке З.А. Каменского // Там же. С. 129.

² Deutschland – Forum für Politik, Kultur und Wirtschaft Nr. 1. 2005. С. 17.

³ UNIVERSUM, июль–сентябрь 2004. С. 12–18.

⁴ ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 23. Д. 76. Л. 22.

*Ю.В. Леоньчева
(Челябинск)*

Социально-бытовые условия жизни художников, эвакуированных на Урал в годы Великой Отечественной войны (на материале Челябинской области)

В научных работах, посвященных периоду Великой Отечественной войны, дается следующее определение термина «эвакуированное население»: это граждане, перемещенные в рамках целенаправленной государственной деятельности на новое место жительства в

силу государственной необходимости или с целью личной безопасности из районов, находящихся под угрозой оккупации неприятелем. Эвакуированные художники составляли часть научной и творческой интеллигенции, приехавшей в тыловые районы вместе с промышленными предприятиями, учебными заведениями, учреждениями культуры или индивидуально. В целях сохранения культурного потенциала страны эвакуация интеллектуальных и художественных кадров рассматривалась в качестве важных социально-политических задач военного времени¹. Как показывают архивные документы, в течение 1941–1943 гг. сведения о местопребывании эвакуированных художников поступали во Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР, Управление по делам искусств при СНК РСФСР, Оргкомитет ССХ СССР².

Согласно данным Всесоюзного комитета по делам искусств, к 25 марта 1942 г. значительное количество членов ССХ из Москвы, Ленинграда, Белоруссии, Украины, Латвии, Литвы, Эстонии находилось на Урале. Молотовская область приняла к тому времени 44 человека, включая живописцев Н.И. Альтмана, Б.В. Иогансона, В.М. Орешникова и графика Ю.А. Васнецова. 36 членов различных ССХ приехали в Свердловскую область. Среди них были скульпторы Е.Ф. Белашова, С.Д. Меркулов, театральные художники Н.А. Шифрин. В Чкаловской области на тот момент находилось 8 мастеров изобразительного искусства, в том числе и армянская художница М.А. Асламазян. Башкирская АССР приняла 47 членов ССХ Москвы, Ленинграда и союзных республик, включая столичного скульптора С.Д. Тавасиева и украинского художника А.А. Шовкуненко³. Местом эвакуации скульптора В. И. Мухиной в течение ноября 1941 – первой половины 1942 гг. был Каменск-Уральский, который до 15 июля 1942 г. входил в состав Челябинской области⁴.

По состоянию на 23 августа 1941 г. имелись сведения о 22 мастерах изобразительного искусства, прибывших в Челябинскую область. В списке, составленном для Оргкомитета ССХ СССР, указаны художники и скульпторы из Москвы: Н.И. Калецкая, Г.С. Кранц, Л.А. Морозова, В.Н. Перельман, Н.П. Смоляк, А.К. Трофимов, С.И. Фикс, В.А. Шестаков; Ленинграда – В.Е. Кучерская, Н.А. Кюн, А.П. Леонтьева, Л.А. Мальшев, Н.А. Маслов, А.С. Пруцких; Киева – Д.И. Бубарев, И.Н. Плещинский; из Минска – Е.Е. Красовский, О.П. Марикс; из Львова – Д.Н. Леонов, Риги – М.М. Иоффе; из Таллина – К.Б. Иртель, Т.Н. Маркович. Архивные документы за 1942 г. свидетельствуют о пребывании в Челябинске москвичей В.А. Адамчевской, М.Э. Помянского, Н.И. Рогачева и харьковчанки И.А. Городецкой. В течение 1943–1944 гг. в Челябинском областном ССХ (ЧОССХ) были зарегистрированы приехавшие художники В.А. Алексеева, Э.И. Бронштейн, Э.М. Гомон, А.А. Егоров, Г.В. Забарский,

М.М. Лошаков, А.А. Метсмар, С.И. Минин, С.Г. Нивельштейн, С.И. Осипов, И.Г. Сегаль, Э.Я. Халлоп, И.Г. Шифман⁵.

Исследователи подчеркивают, что размещение эвакуированных на новых местах в первые месяцы войны расценивалось как явление временного характера. Однако с наступлением зимы 1941–1942 гг. стало очевидным, что война затянулась. С учетом сложившейся обстановки внимание к эвакуированным как особой категории населения было усилено. В передовой статье газеты «Правда» 18 декабря 1941 г. указывалось: контроль за полным трудоустройством эвакуированных и улучшением их материально-бытового положения возложен на местные партийно-государственные органы. После выхода постановления ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. «О мерах улучшения работы советских органов и местных парторганизаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» помощь эвакуированному населению приобрела систематический характер⁶.

Общие тенденции социальной политики в отношении эвакуации населения на разных этапах войны частично выявляются и при рассмотрении документов, касающихся деятельности ЧОССХ и Челябинского областного кооперативного товарищества «Художник». Мастера изобразительного искусства, как и все представители творческой интеллигенции, вынужденно приехавшие в годы войны в тыловые районы, столкнулись с комплексом проблем социально-психологического характера. Необходимо было решить насущные задачи – устроить быт, обеспечить себе и своей семье средства к существованию, наладить контакты с местными творческими коллективами. По мере того, как заботы первостепенной важности отходили на второй план, эвакуированные мастера изыскивали возможности для творчества и включались в художественную жизнь.

Поиски работы для эвакуированной творческой интеллигенции в первые месяцы войны чрезвычайно осложнились вследствие резкого сокращения финансирования учреждений сферы культуры и искусства. 21 августа 1941 г. председатель правления ЧОССХ А.П. Сабуров информировал председателя Всесоюзного комитета по делам искусств М.Б. Храпченко: «Приехавшие художники из... других городов работы совершенно не имеют. Отдел искусств в этом вопросе помощи никакой не оказывает и направляет всех товарищей в наш союз, зная заранее, что все ассигнования уже сняты». Решение об оказании материальной помощи за счет средств Художественного фонда членам региональных творческих союзов, уехавшим в тыловые районы, не позднее 8 сентября 1941 г. было принято Оргкомитетом ССХ. Местные творческие союзы получили распоряжение собрать заявления эвакуированных мастеров изобразительного искусства, нуждающихся в помощи. В соответствии с данным указанием с октября 1941 г. в ЧОССХ стали поступать заявления от художников⁷.

В первые месяцы войны ЧОССХ содействовал и разрешению жилищных вопросов эвакуированных художников. Так, 9 ноября 1941 г. союз ходатайствовал перед Челябинским горисполкомом о предоставлении прописки москвичу С.И. Фиксу на жилплощади его родственников в порядке уплотнения.⁸ Жилищная проблема для эвакуированного населения ограничивалась не только поисками временного пристанища на новом месте. Во-первых, несмотря на эвакуацию, люди должны были платить за свое покинутое жилье, иначе они рисковали его потерять. Во-вторых, эвакуированные не были застрахованы от возможности лишиться своего постоянного жилья в результате многочисленных уплотнений или произвола чиновников. Как отмечает в своем исследовании В.А. Антипина, некоторые московские писатели, вернувшись из эвакуации, обнаружили, что в их квартирах или дачах проживали другие семьи⁹. Подобная ситуация коснулась и эвакуированного художника В.Н. Перельмана. Находясь в Челябинске, он узнал о незаконном вселении двух человек в его дачу, которая находилась на территории поселка художников в Абрамцево. 30 апреля 1942 г. В.Н. Перельман направил заявление на имя председателя МОССХа с просьбой разобраться в сложившейся обстановке¹⁰.

Бюро Челябинского обкома ВКП(б) 5 марта 1942 г. обязало секретарей горкомов и райкомов ВКП(б), а также председателей райсоветов и горсоветов взять под личный контроль трудоустройство эвакуированных. В постановлении бюро отмечалось: «Добиться такого положения, чтобы в ближайшие дни все трудоспособное эвакуированное население было устроено на работу¹¹». Данное решение распространялось на все категории эвакуантов. Следовательно, можно допустить, что вопросы трудоустройства эвакуированных художников также попали в сферу контроля местных партийно-государственных органов. Архивные документы располагают некоторыми сведениями о том, где нашли себе применение художники, эвакуированные в Челябинскую область. Московский график-плакатист Н.П. Смоляк, член МОССХа, приехал в Златоуст не позднее 16 августа 1941 г. В течение августа – сентября 1941 г. он работал в клубе машиностроительного завода им. В.И. Ленина, где занимался изобразительной наглядной агитацией. В письме от 13 сентября 1941 г. Н. П. Смоляк сообщил А.П. Сабурову: «...работать при клубе и заниматься выпуском «Окон ТАСС» - это вполне подходящая работа, но, к сожалению, у них ставка 350 рублей. Я просто не в состоянии прожить и прокормить семью на эту сумму». По материальным причинам Н.П. Смоляк перешел в клуб военно-инженерного училища: там его оклад составлял 600 рублей. Однако его не удовлетворял характер выполняемой работы. В конце сентября 1941 г. Н.П. Смоляк обратился к А.П. Сабурову с просьбой о перево-

де в Челябинск: «Меня там используют совершенно не по назначению, главным моим занятием является [на]писание лозунгов и всяких текстов... Может быть, Челябинскому ДК[А] или клубу НКВД нужен квалифицированный художник,... я бы мог писать панно, портреты, заниматься иллюстрациями боевых эпизодов, конечно, также нести и шрифтовую работу, но чтобы она не доминировала...»¹² Мы не имеем документальных сведений о том, что в течение 1941–1942 гг. состоялся переезд Н.П. Смоляка в Челябинск. Однако не позднее марта 1943 г. он приступил к работе в товариществе «Художник», находившемся в областном центре. В документах кооперативного товарищества за военный период упоминаются и другие эвакуированные мастера изобразительного искусства, состоявшие на учете в ЧОССХ, – В.В. Адамчевская, М.М. Иоффе, В.Н. Перельман, М.Э. Помянский, А.С. Пруцкой, В.А. Шестаков и другие. С 23 июня по 17 июля 1942 г. В.Н. Перельман временно выполнял обязанности председателя правления кооперативного товарищества «Художник». В соответствии с постановлением правления от 16 октября 1942 г. эту должность получил М.М. Иоффе¹³.

Среди мастеров изобразительного искусства, эвакуированных в годы войны в Челябинскую область, были и художники театра. С октября 1941 г. по сентябрь 1942 г. в Челябинске работал Московский Малый академический театр. Вместе с прославленным столичным коллективом, по некоторым данным, в областной центр приехали художники М.Н. Алексич и Б.Г. Кноблок. Московский скульптор-монументалист Г.С. Кранц работал в начале 1930-х гг. бутафором во МХАТе им. Горького, 10 декабря 1941 г. он был принят на эту же должность в Челябинский театр оперетты. Ленинградский мастер театрально-декорационного искусства И.Г. Сегаль не позднее 1 июня 1943 г. приступил к работе художника в Челябинском драмтеатре им. Цвиллинга¹⁴. Ленинградский художник Л.А. Малышев в начале войны вместе с Кировским заводом эвакуировался в Челябинск. В течение всех военных лет он проработал на этом заводе в должности художника. Л.А. Малышев не только занимался выпуском различных видов наглядной агитации, но и создавал художественные произведения, в которых отразились трудовые будни Танкограда – «Больше танков, кировцы!», «Фронту надо – делаем», «Конвейер «Т-34»¹⁵. Некоторые прибывшие на Урал из западных районов СССР художники вынуждены были менять сферу деятельности. Член кооперативного товарищества художников Эстонской ССР Феликс Валдверс оказался в Челябинской области в первые месяцы войны. С сентября 1941 г. он трудился на лесозаготовках в Зырянском леспромхозе треста «Челябгорстрой». 3 октября 1941 г. Валдверс направил почтовую карточку в областное товарищество «Художник». Предполагая, что кто-то из членов

товарищества художников ЭССР мог также находиться на тот момент в Челябинской области, он просил сообщить их адреса. В отношении себя им была высказана следующая просьба: «Был бы рад, если [бы] открылась какая-нибудь возможность продолжить свою работу карикатуристом и плакатистом»¹⁶.

Однако на основании просмотренных архивных документов можно говорить о том, что значительной части художников, эвакуированных в индивидуальном порядке, удалось решить проблему трудоустройства в соответствии со своей специальностью. Они нашли применение своим силам на заводах, работая над созданием различных видов наглядной агитации, в областном кооперативном товариществе «Художник», театрах, клубах. Художники, эвакуированные вместе с промышленными предприятиями и театрами, продолжили работу на новом месте в своих коллективах. В целом пребывание эвакуированных художников в военные годы оказало позитивное влияние на развитие социокультурных процессов в Челябинской области. Коллектив челябинских художников в ходе совместной работы с опытными и квалифицированными мастерами изобразительного искусства получил уникальную возможность повышения профессионального уровня и творческого роста. В этом отношении, как отмечено в отчете ЧОССХ за период с 1941 г. по 1 мая 1946 г., большую помощь местному союзу оказали Л.А. Малышев, О.П. Марикс, И.Н. Плещинский, А.С. Пруцких, Э.Я. Халлоп¹⁷.

Примечания

¹ Ворожейкина Е. В. Российская художественная интеллигенция в эвакуации в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Кострома, 2004. С. 3. Потемкина М. Н., О.Д. Бутас. Они – эвакуированные... // Южноуральцы в боях и труде. 50-летию Великой Победы посвящается: Сборник. Челябинск, 1995. С. 179.

² РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 6. Д. 933. Л. 1–10, 24; Там же. Д. 1024. Л. 3–15; Там же. Д. 1093. Л. 27–33; ОГАЧО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 4. Л. 282.

³ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 6. Д. 933. Л. 5–7, 10; Там же. Д. 1024. Л. 9–10.

⁴ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 6. Д. 1024. Л. 3. Справочник по административно-территориальному делению Челябинской области по состоянию на 1 июля 1997 г. Челябинск, 1997. С. 8.

⁵ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 6. Д. 1047. Л. 3–4; ОГАЧО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 4. Л. 308 об; Там же. Д. 4г. Л. 4–7, 25–28, 63–64 об., 162–165, 240–244; Там же. Ф. Р-836. Оп. 2. Д. 7. Л. 5.

⁶ Ворожейкина Е.В. Указ. соч. С. 3. Потемкина М.Н. Эвакуированные как специфическая категория населения в годы войны (психолого-политический аспект) // Научно-практическая конференция «Великая Отечественная война: уроки и проблемы», посвященная 50-летию Победы. Пермь, 1995. С. 26–27.

⁷ ОГАЧО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 4. 288, 364. См., например, заявление от украинского художника И.Н. Плещинского. Там же. Л. 338.

⁸ ОГАЧО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 4г. Л. 160, 234.

⁹ Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е гг. М., 2005. С. 202, 221–225.

- ¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 1. Д. 275. Л. 49.
¹¹ ОГАЧО. ПФ-288. Оп. 6. Д. 31. Л. 3.
¹² ОГАЧО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 4. Л. 304, 345; Там же. Д. 4г. Л. 204 об.
¹³ ОГАЧО. Ф. Р-836. Оп. 2. Д. 6. Л. 49 об; Там же. Д. 7. Л. 5, 10–12, 18; Там же. Д. 8. Л. 20б.
¹⁴ ОГАЧО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 4г. Л. 108 об; Там же. Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 244. Л. 52. Челябинская организация Союза художников России: Справочник. 1936–1991. / Авт. сост. О.А. Кудзоев. Челябинск, 1996. С. 304.
¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 4г. Л. 154. Байнов Л.П. Художники Челябинска. Челябинск, 1979. С. 69–70.
¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 4. Л. 330.
¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.

Э.А. Набиева
(Уфа)

Вклад интеллигенции Уфы в развитие башкирской музыкальной культуры (конец XIX – начало XX в.)

Становление башкирской музыкальной культуры неразрывно связано с пребыванием русских музыкантов в крае. Выпускники консерваторий вели очень полезную и благородную деятельность в провинциальных городах России, в том числе и в Уфе.

Особенностью музыкальной жизни Уфы конца XIX в. является расцвет деятельности любителей музыки, в частности, организованного Уфимского общества любителей музыки, пения и драматического искусства. Оно было создано в октябре 1885 г. по инициативе городского главы Д.С. Волкова и содействовало развитию музыкальных и драматических талантов. О плодотворной и активной его работе свидетельствуют сохранившиеся ежегодные отчеты Общества. В первом году существования Общество насчитывало 390 членов, из которых действительных членов, т.е. участвовавших в качестве исполнителей на вечерах было 79 и 311 членов-посетителей. Концертная деятельность Общества начиналась в сентябре и заканчивалась в конце апреля. Театровед, краевед С.В. Волков-Кривуша отмечал, что «если до основания Общества лучшие исполнители фортепианной игры выступали перед аудиторией 10–20 человек, то первый концерт, состоявшийся 2 января 1886 г. привлек 500 слушателей»¹.

Инициатором создания общества был скрипач Д.Н. Савостьянов. Членами общества долгие годы были пианисты В.Д. Паршина (пианистка, дирижер, певица, ученица А.Г. Рубинштейна), О.И. Домбровская, музыкант-любитель А.С. Цветков, музыкант А. Попов. В последующие годы активно работали М.Д. Брудинский, П.Э. Линд, П.Х. Калина, С.Н. Соловьева и другие представители интеллигенции.